

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С34

Alice Sebold

THE LOVELY BONES

Copyright © 2002 by Alice Sebold

Перевод с английского *Е. Петровой*

Разработка серии и художественное оформление
Е. Окольциной

Сиболд, Элис.

С34 Милые кости / Элис Сиболд ; [пер. с англ.
Е. Петровой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-099335-2

«Шестого декабря 1973 года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет» — так начинается самый поразительный роман начала XXI века. Главная героиня, Сюзи Сэлмон, после гибели оказывается на небесах и наблюдает сверху за тем, как ее убийца пытается замести следы, а семья — свыкнуться с утратой. Но эта сильная, драматичная книга не об убийстве, не о насилии, а о жизни. Жизни после смерти. Жизни тех, кто остался. Наверное, поэтому она написана таким на удивление светлым языком.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Е. Петрова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099335-2

Всегда — Глену

У моего отца на письменном столе стоял стеклянный шар, а в нем — утопающий в снегу пингвин с красно-белым полосатым шарфиком на шее. Когда я была маленькой, папа сажал меня к себе на колени, придвигал поближе эту вещицу, переворачивал ее вверх дном, а потом резко опускал на подставку. И мы смотрели, как пингвина укутывают снежинки. А мне не давало покоя: пингвин там один-одинешенек, жалко его. Поделившись этой мыслью с отцом, я услышала в ответ: «Не горюй, Сюзю, ему не так уж плохо. Ведь он попал в идеальный мир».

Глава первая

Меня звали Сюзи, фамилия — Сэлмон, что, между прочим, означает «лосось». Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет. В середине семидесятых почти все объявленные в розыск девочки выглядели примерно одинаково: цвет кожи — белый, волосы — пышные, каштановые. Лица, похожие на мое, смотрели с газетных полос. Это уж потом, когда стали пропадать и мальчишки, и девчонки, и черные, и белые — все подряд, их фотографии начали помещать и на молочных пакетах, и на отдельных листовках, которые опускали в почтовые ящики. А раньше никто такого даже представить не мог.

В седьмом классе я записала в свой ежедневник слова одного испанского поэта, на которого указала мне сестра. Его имя — Хуан Рамон Хименес, а изречение было такое: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперек». Мне оно понравилось по двум причинам: во-первых, в нем выражалось презрение к заведенному распорядку, когда все делается как в школе — по звонку, а во-вторых, это же не какая-нибудь идиотская цитата из популярной рок-группы, а значит, меня кое-что выделяло из общей массы. Я с удовольствием занималась в шахматном клубе и посещала факультатив по химии, зато на уроках домоводства, к ужасу миссис Дель-

минику, у меня пригорало все, что ставилось на огонь. Моим любимым учителем был мистер Ботт, который на своих уроках биологии развлекался тем, что учил нас препарировать лягушек и раков, а потом при помощи электродов заставлял их дергаться.

Сразу скажу: убил меня вовсе не мистер Ботт. Не стоит думать, будто каждый новый человек, о ком здесь пойдет речь, окажется в числе подозреваемых. Вотсе нет. Просто чужая душа — потемки. Мистер Ботт пришел на мою панихиду (там, кстати, собралась почти вся школа — раньше я и мечтать не могла о такой популярности) и даже прослезился. У него тяжело болела дочка. Это ни для кого не составляло тайны, и когда он смеялся своим собственным шуткам, которые уже всем приелись за сто лет до нашего поступления в школу, мы тоже хохотали, порой даже через силу, чтобы только не обидеть учителя. Его дочери не стало через полтора года после меня. У нее была лейкемия. Но в моем небесном краю мы ни разу не встретились.

Тот, кто меня убил, жил в нашем квартале. Мама восхищалась его цветочными бордюрами, и отец как-то у него поинтересовался, чем их лучше удобрять. Оказалось, убийца использовал только старые, проверенные средства, такие как яичная скорлупа и кофейная гуща; сказал, что этому его научила матушка. Вернувшись домой, отец с ехидной улыбкой приговаривал: цветочки — дело хорошее, спору нет, но в жару от них пойдет такой дух, что небесам будет тошно.

Впрочем, шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года еще падал снег, и я побежала из школы самым коротким путем, через поле. Тьма была — хоть глаз выколи, потому что зимой смеркается рано; помню, я то и дело спотыкалась о

сломанные кукурузные стебли. Снежинки мельтешили перед глазами, будто крошечные мягкие лапки. Я дышала носом, но вскоре из него потекло в три ручья, и пришлось глотать воздух ртом. В двух шагах от того места, где стоял мистер Гарви, я высунула язык, чтобы поймать холодную звездочку.

— Только не пугайся, — произнес мистер Гарви.

В сумерках, посреди безлюдного поля — конечно, я перепугалась.

Уже после смерти меня осенило: а ведь над полем витал едва уловимый запах одеколона, но я не обратила на это внимания, а может, решила, что его принесло ветром из ближайшего дома.

— Мистер Гарви, — выдохнула я.

— Ты ведь старшая сестричка Сэлмон, верно?

— Верно.

— Как поживают твои родные?

Притом что в семье я действительно была старшей из детей, а в школе щелкала трудные контрольные, как орешки, рядом со взрослыми мне почему-то становилось не по себе.

— Нормально, — выдавила я, дрожа от холода, но из уважения к его возрасту словно приросла к земле, тем более что он жил по соседству и папа недавно беседовал с ним об удобрениях.

— А я тут кое-что соорудил, — сказал он. — Хочешь посмотреть?

— Вообще-то, я замерзла, мистер Харви, — ответила я. — И потом, мне мама не разрешает гулять, когда темно.

— Сейчас так и так темно, Сюзи, — возразил он.

Почему я тогда ничего не заподозрила? До сих пор не могу себе этого простить. Откуда ему было знать мое имя? Наверно, подумала я, папа рассказал ему какую-нибудь ненавистную мне байку — из

тех, что считал свидетельством его любви к детям. Мой отец был из тех, кто фотографирует трехлетнюю дочку голышом и держит этот снимок в ванной, на погляденье гостям. Слава богу, в нашей семье эта участь выпала моей младшей сестре Линдси. Я, по крайней мере, была избавлена от такого позора. Зато папа обожал всем рассказывать, как после рождения сестры меня обуяла такая ревность, что в один прекрасный день, пока он говорил по телефону, я подкралась по дивану к переносной колыбельке, где спала Линдси (а он следил из другой комнаты), и попыталась описать новорожденную. Об этом отец поведал сначала пастору нашей церкви, потом соседке, миссис Стэд, чтобы та высказала свое профессиональное суждение как врач-психотерапевт, и, наконец, всем знакомым, которые говорили: «Сюзи у вас бойкая!»

— «Бойкая»! — подхватывал отец. — Вы еще не все знаете! — И с ходу пускался в подробности о том, «как Сюзи пописала на Линдси».

Но, как выяснилось позже, отец вообще не упоминал нас в разговоре с мистером Гарви и уж тем более не рассказывал ему, «как Сюзи пописала на Линдси».

Впоследствии мистер Гарви, повстречав на улице мою маму, сказал ей такие слова:

— До меня дошли слухи об этой страшной, чудовищной трагедии. Напомните, как звали вашу девочку?

— Сюзи, — бодрясь, ответила мама, придавленная этим грузом, который, по ее наивным расчетам, мог со временем стать легче.

Ей было неизвестно, что боль останется на всю жизнь, делаясь с годами все более изощренной и жестокой.

На прощанье мистер Гарви, как водится, сказал: — Надеюсь, этого мерзавца скоро поймают. Примите мои соболезнования.

В это время я уже была на небесах и пыталась приспособиться к другому состоянию, но от такого бесстыдства просто взвилась. «У этого гада нет ни капли совести», — воззвала я к Фрэнни, которая стала мне наставницей. «Точно», — подтвердила она и ограничилась этим простым словом. В моем небесном краю не принято было снисходить до всякой дряни.

Мистер Гарви пообещал, что это займет буквально одну минутку, и я пошла за ним чуть дальше, туда, где кукурузные стебли высились в полный рост, потому что никто из ребят не ходил этой дорогой. Как-то раз мой братишка Бакли заинтересовался, почему никто не ест местную кукурузу, и мама объяснила, что это несъедобный сорт. «Таковыми початками кормят лошадок. Люди это не едят», — сказала она. «А собачки?» — спросил Бакли. «Собачки тоже не едят». — «А динозаврики?» — не унимался Бакли.

И так до бесконечности.

— Я здесь соорудил тайное убежище, — сказал мистер Гарви.

Тут он остановился и повернулся ко мне.

— В упор не вижу, — сказала я.

От меня не укрылось, что мистер Гарви как-то странно сверлит меня взглядом. С тех пор как я вышла из детского возраста, пожилые дядьки частенько бросали на меня такие взгляды, но вряд ли кого-нибудь могло всерьез заинтересовать чучело в длинной синей куртке на меху и в теплых желтых брюках, расклепанных книзу. Поблескивая маленькими круглыми стеклышками в золотой оправе, мистер Гарви смотрел на меня поверх очков.

— А ты, Сюзи, приглядиись получше — и увидишь, — сказал он.

Больше всего мне хотелось приглядеться и увидеть дорогу домой, но из этого ничего не вышло. Почему? Фрэнни объяснила, что такие вопросы лишены смысла: «Не вышло — и все тут. Не стоит этим терзаться. Что толку? Ты умерла, и с этим надо смириться».

— Вторая попытка, — сказал мистер Гарви, опустился на корточки и постучал по земле.

— А что тут особенного? — не поняла я.

У меня мерзли уши. Я терпеть не могла пеструю шапку с помпоном и бубенчиками, которую мама когда-то связала мне к Рождеству. Этот шутовской колпак был засунут в карман куртки.

Помню: я сделала шаг вперед и потопала на месте. Под ногами было что-то твердое, но не похожее на мерзлую землю.

— Доски, — сказал мистер Гарви. — Чтобы вход не обвалился. Здесь у меня землянка.

— Какая еще землянка? — спросила я, забыв и про холод, и про мужской взгляд. Можно было подумать, меня занесло на урок биологии: мне стало любопытно.

— Залезай, погляди.

Внутри было не повернуться, он и сам это признал, когда мы втиснулись в землянку. Но моим вниманием уже завладел искусно сделанный дымоход, который позволял при необходимости разводиться под землей огонь, поэтому я уже и думать не думала, как неудобно было забираться внутрь и каково будет вылезать наружу. К тому же я не имела понятия, что значит спастись бегством. Убегать мне случалось разве что от Арти, мальчишки из нашей школы. Его отец был владельцем похоронного

бюро, и Арти вечно делал вид, будто таскает с собой шприц для бальзамирования. Даже на своих тетрадях он рисовал иголки, с которых капает темная жидкость.

— Супер-дупер! — сказала я мистеру Гарви.

Сгорбившись, он стал похож на Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери» — мы это читали на уроках французского. Но мне уже было все равно. Я впала в детство. Превратилась в своего братишку Бакли, которого было не оторвать от огромных скелетов в Музее естествознания в Нью-Йорке, куда его возили на экскурсию. Выражение «супер-дупер» я вообще выбросила из своей речи, когда окончила начальную школу.

— Как будто у ребенка отняли конфетку, — сказала Фрэнни.

До сих пор вижу перед собой эту яму, словно дело было вчера, — впрочем, ничего удивительного. Теперь для меня жизнь — это вечное вчера. Землянка была размером с чулан: у нас дома примерно в таком же закутке хранились плащи и резиновые сапоги, но мама еще ухитрилась втиснуть туда стиральную машину, а на нее водрузила сушильный шкаф. В землянке я стояла почти в полный рост, а мистер Гарви сгибался в три погибели. Вдоль стенок выступом тянулась земляная скамья, на которую он сразу сел.

— Оцени, — сказал он.

Как замороженная я устала на полочку-нишу в стене, где разглядела коробок спичек, аккумулятор и люминесцентную лампу, которая работала от батареек, излучая слабое свечение, — позже, когда он на меня навалился, черты его лица были почти неразличимы в этом жутковатом свете.